

Борис Пономарев — единственный из воронежских сотрудников госбезопасности, трижды побывавший в спецкомандировке в Афганистане.

Сотрудник разведывательно-боевых отрядов специального назначения — «Зенит-1», «Зенит-2», «Каскад-2», каждый раз он выступал в новой для себя роли — разведчика, штурмовика, советника.

Два первых года войны прошли перед его глазами. Войны гражданской, начавшейся еще до ввода советских войск и постепенно переросшей в широкомасштабную войну с участием бандформирований, подготовленных и вооруженных на деньги американских и арабских спонсоров.

Надежным, основательным, неторопливым он был на войне, таким остается и поныне.

БАЛАШИХА

Эта история началась с того, что в январе 1979 года меня, старшего лейтенанта с четырехлетним стажем оперативной работы за плечами, направили на Курсы усовершенствования оперативного состава (КУОС КГБ СССР). Для курсов отбирали молодых, физически крепких, хорошо зарекомендовавших себя оперативников, которые в Балашихе проходили всестороннюю разведывательно-диверсионную подготов-

ку и из которых впоследствии при территориальных органах КГБ создавался резерв для действий «в особый период» на территории других государств.

По плану на 1979 год подготовка начиналась в январе и заканчивалась в августе. Учебная программа включала минно-взрывное дело, парашютную подготовку, обучение стрельбе из различного оружия, вождение любых видов военной техники и т.д. Большое внимание уделялось интеллектуальному развитию личности. На курсах была хорошая библиотека, часто посещали выставки, театры, музеи. В тот период уже применялись современные технологии обучения иностранным языкам. Пятнадцати учебных семестров на КУОСе было достаточно для того, чтобы знать язык в совершенстве.

Немецкий я учил в школе, техникуме, вузе. Мои знания при поступлении оценили на уровне трех с половиной семестров, а после неполных шести месяцев обучения владел языком на уровне девяти семестров. Прогресс? Но над книжками, изучая немецкий, пришлось посидеть не один вечер. В потоке только несколько человек было со слабым знанием языка, а остальные в совершенстве владели кто английским, кто шведским, кто японским. Мой друг из Свердловска Алексей Коржавин знал французский, итальянский и немецкий. И это было почти нормой.

Специальная подготовка была также разносторонней. На занятиях по радиоделу овладевали технологией шифровки оперативной информации. Учились разным «секретным штучкам», которые позволяли в режиме морзянки набивать текст, «спрессовывать» его и отправлять в эфир за очень короткой промежуток времени, как сейчас отправляем СМС-ки с сотовых телефонов.

На огневой подготовке стреляли из всех видов стрелкового оружия, имевшегося на вооружении зарубежных армий. Арсенал был богатый! Изучали различные виды специзделий, в том числе и бесшумного оружия, в которых принцип бесшумности реализовывался за счет насадок, конструкции патрона. Нормативы по стрельбе были на порядок выше тех, которые считались отличными в территориальных органах безопасности. И их с успехом выполняли.

На занятиях по минно-взрывному делу учились составлять схемы для подрыва различных сооружений, узлов, коммуникаций. В фильмах о Великой Отечественной войне показывают, как партизаны пускают под откос составы, но на самом деле минно-взрывное дело — тонкое искусство. Где наиболее уязвимые места конструкций, сооружений? Как рассчитать минимальный эффективный заряд? Ведь к месту проведения диверсии взрывчатые вещества нужно нести на себе — через территорию противника, в пешем порядке... Уделялось большое внимание и мастерскому владению холодным оружием.

Наставник у нас был легендарный — участник Великой Отечественной войны, полковник Быстряков Федор Иванович. Он был учеником знаменитого диверсанта Ильи Григорьевича Старинова, которого трижды представляли к званию Героя Советского Союза, пять раз к генеральскому званию и еще большее количество раз — к высшей мере наказания. Старинов был одним из офицеров, стоявших у истоков создания знаменитых балашихинских курсов.

На курсах была благоприятная обстановка для развития неформальных отношений. И не только на полигоне и в учебных классах, но и, допустим, во время конспиративных вылазок на природу.

Когда оставалось около двух месяцев занятий, в общей программе вдруг наметились значительные изменения. Педагоги стали больше рассказывать про обычаи, традиции Востока: сначала вроде бы про советские азиатские республики, а потом незаметно — про Афганистан. Образ жизни, мышление, история политических учений. Возросла интенсивность занятий. В курсантские ряды влились коллеги из среднеазиатских республик, знающие восточные языки (фарси, дари).

Разговоры о предстоящей служебной командировке в Афганистан между нами пошли уже в последние месяцы учебы. Но при этом на курсах сохранялась обстановка «сверхсекретности»: все обо всем знают, но старательно делают вид, что никому ничего не известно. Стали догадываться, что назревают важные события и нас готовят к выполнению особой секретной миссии. По крупицам собирали информацию, обсуждали в своем кругу и выходило, что направят вероятнее всего в Афганистан.

Как отнеслись к такому повороту событий? Скажу честно — гордились! Что именно нас выбрали для этой миссии, что мы лучшие! Не давали оценок фактам, событиям. Ведь нас воспитали в духе патриотизма, готовности выполнить приказ Родины. И это не пафосные фразы.

За несколько дней до отправки объявили, кто поедет в первой партии. Григорий Иванович Бояринов, наш Отец, Учитель, так мы его за глаза ласково называли, из всего выпуска отвел нескольких сотрудников. Не зная принципов отбора, решили, что это связано с какими-то недоработками в личной подготовке. Поэтому те, кого отсеяли, сильно переживали. Только спустя время поняли, что Бояринов исключил из списков офицеров, бывших единственными кормильцами у родителей, а также имевших по двое детей и холостяков. Первых — понятно, а холостяков, — чтобы дать возможность обзавестись семьей и продлить свой род. Зная, к какой работе готовит молодых офицеров и осознавая степень риска, Бояринов таким образом пытался кого-то спасти. Тайный, глубокий смысл был в его поступках!

СПЕЦОТРЯД «ЗЕНИТ-1»: ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ОФИЦЕРОВ...

Афганская командировка началась 5 июля 1979 года.

Летели в Кабул на Ту-134, с подмосковного аэродрома «Чкаловский».

Самолет пересек государственную границу. Из иллюминатора просматривались очертания неизвестной нам восточной страны: горные массивы, долины, обрабатываемые земельные участки разных оттенков.

Кабул. «Андроповский» самолет зашел на посадку. Автобусы и машины сопровождения подали прямо к трапу самолета. Из аэропорта сразу направились в советское посольство. Заехали через запасные ворота, сразу же стали разгружаться.

В отдельном помещении поселились командир отряда полковник Бояринов Григорий Иванович, его заместители — инструктор по специальной физической подготовке Долматов Александр Иванович и заместитель по политической части Глотов Василий Степанович — офицер Первого главка, несколько преподавателей с КУОСа, трое бойцов. Это был штаб. Там же хранились ящики с оружием и боеприпасами, съестные припасы-сухпайки.

Остальных разместили в большой классной комнате посольской школы. Сначала на койках, раскладушках, а потом поставили двухъярусные армейские кровати. Выдали постельное белье. Личные вещи: рубашки, брюки, башмаки — сразу же убрали в сумки и под кровать. Для большинства из нас это была первая заграничная командировка, в которую ехали с минимумом личных вещей. Единственное, в чем нам советовали не экономить: взять медикаменты, учитывающие индивидуальные особенности своего организма, несмотря на то, что в группе был свой доктор.

Развернули радиостанцию для связи с Центром и таким образом обозначили: работа началась! Только здесь, в Кабуле, из уст Бояринова слышали, что наш отряд называется «Зенит-1».

Прилетели в штатском, без оружия. Загранпаспорта перед поездкой дали только подержать в руках и сверить свои данные. Фамилии в них были реальные. В

этом был парадокс: на КУОСе учились под псевдонимами (мой «псевдо» был Попов, «наградил» им Григорий Иванович), а в чужую страну приехали — открыли фамилии. На следующий день переодели в спецназовскую, песочного цвета форму: брюки, курточка с большим количеством карманов, берцы.

В отдельной комнате организовали столовую, пищу сносно готовил «зенитовский» повар.

На первых порах нам выдали немного местной валюты — по несколько сотен афгани на человека. С тыльной стороны посольства ютилось несколько маленьких магазинчиков, в которых продавали фрукты, овощи и воду, бывшую для нас в диковинку — «Пепси-кола», «Спрайт», «Содовая» в бутылочках по 330 граммов. С появлением афгани стали регулярно наведываться в эти дуканы.

Сотрудникам посольства и афганцам было объявлено, что мы прибыли для охраны посольства.

В короткий срок наладили круглосуточное боевое дежурство на комплексе зданий советского посольства. На крышах оборудовали огневые ячейки из мешков с песком. На дежурство выходили с автоматами, снайперскими винтовками, биноклями, приборами ночного видения, средствами связи.

Определили направления наиболее вероятного появления противника, секторы обстрела, порядок действий при внезапном нападении. Охраняемую зону оборудовали замкнутой системой электронного предупреждения. По ночам патрулировали территорию по внутреннему периметру, совершали объезды служебно-жилого посольского комплекса на автомашине по внешнему периметру.

Знакомились с афганцами, которые работали в посольстве, с традициями, обычаями страны. Помню, удивление среди офицеров вызвал случай, когда простой афганец, работавший садовником в посольстве, купил себе четвертую жену. Для них это в порядке вещей: сможешь прокормить — покупай. К слову, самые дорогие жены в Афганистане в тот период были те, которые умели ткать ковры. Видимо, быстро окупались.

Подружились со многими работниками посольства. Из нас, «зенитовцев», раньше никто за границей не был, и мы не знали, что посольские, торгпредские и прочие члены совколоний — это особая категория, «общество избранных». Но мы стали с ними общаться на равных, без всяких условностей, и со многими быстро подружились. Среди них оказалось немало порядочных, толковых, честных и бескомпромиссных граждан.

Вскоре меня назначили в группу охраны советского посла А.М. Пузанова и представителя КГБ СССР Б.С. Иванова. Это была их просьба: выделить группу для обеспечения личной безопасности. В числе охраняемых были и другие руководители.

В группу охраны, кроме меня, вошли Алик Оруджев из Баку, Сережа Проценко из Украины. Распределение обязанностей было таким: Алик Оруджев — переводчик, поскольку хорошо владел персидским языком, Сережа Проценко, крепкий парень, отличавшийся богатырским ростом и сложением — боевик, моя задача — быть водителем. На «Волге» сопровождали руководителей во время их выездов в город на деловые и конспиративные встречи с государственными и «иными» деятелями, различные официальные приемы.

Работали в постоянном напряжении. Езда по Кабулу была экстремальным занятием. Правила дорожного движения, как таковые, здесь попросту отсутствовали. Посольские старожилы вовремя подсказали, что нужно стараться пропускать большие машины, а остальной транспорт — как получится. За короткий промежуток времени изучили менталитет афганских водителей и стали чувствовать себя на дорогах уже увереннее.

Однажды был такой случай, когда чуть не попали в ДТП. Выезжаем вслед за машиной Б.С. Иванова. Его водитель сразу же набрал приличную скорость, не угонишься. Впереди — участок трассы, где сходятся две дороги. Вдруг Алик кричит:

— Борис! «Шевроле»! — и резко прижался ко мне.

Боковым зрением замечаю машину, которая несется на нас с примыкающей дороги, до столкновения остаются доли секунды. Делаю резкий маневр «змейкой»: пускаю машину между камнями-турами на разделительной полосе, затем выворачиваю вправо — машина чуть ли не на двух колесах выполняет маневр и уходит от столкновения. «Шевроле» на полной скорости врывается в ограждение.

Охраняемые, как правило, всегда находились в головном «Мерседесе-280» темно-зеленого цвета, мы на «ГАЗ-24» с форсированным двигателем — на хвосте. Одним из водителей «мерса» был москвич Николай Хмелев. Был случай, когда Николай с послом рванули по автобану, и нам было

очень трудно на своей машине не отставать. «Волга» на скорости более 150 километров в час даже по хорошей дороге начинала подпрыгивать и вилять влево-вправо. Когда на следующий день вежливо напомнили Хмелеву, что у нас ведь не «мерс», он честно признался, что заговорился с «пассажиром» и забыл про нас.

Посол А.М. Пузанов, представитель КГБ Б.С. Иванов, резидент в Кабуле генерал В.И. Осадчий, руководитель представительства КГБ — Л.П. Богданов... Это сейчас я знаю биографии этих людей, а тогда ничего, кроме фамилий, нам не было о них известно.

Сопровождали посла во время выездов на деловые, дипломатические встречи, на светские рауты во дворец Дар-уль-Аман, изредка заезжали в загородную резиденцию Генерального секретаря НДПА — дворец Тадж-Бек. У Б.С. Иванова был, естественно, свой маршрут.

В июле в Кабуле находился с неофициальным визитом секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев. Он ограничился встречами и беседами с Тараки и Амином. Наша группа также его сопровождала.

Во второй половине августа для оценки обстановки и оказания помощи в повышении жизнеспособности режима в Кабул прибыла советская военная делегация во главе с главнокомандующим Сухопутными войсками генералом армии И.Г. Павловским. В состав этой группы входили генералы и офицеры центрального аппарата Министерства обороны. Нам приходилось сопровождать их во время поездок на встречи с политиками.

Несмотря на мятежи в отдельных провинциях, в тот период сохранялись очень лояльные отношения к советским людям со стороны обычных рядовых афганцев. Однажды в выходной сопровождали А.М. Пузанова, Б.С. Иванова на рыбалку. За

Первая командировка Б. Пономарева (справа) в Кабул. Июль 1979 г.

Кабулом в нескольких десятках километров располагалось живописное озеро, недалеко — кишлаки.

Бывало, только останавливаемся у озера, откуда-то сразу появляются афганские детишки: босоногие, лет двенадцати-пятнадцати, окружают нас стайкой. Обычно мы им что-то дарили: галеты, конфеты, так они, усевшись рядом, были готовы буквально червяков насаживать на крючок «рыбакам».

Впрочем, бдительности никогда не теряли. Из вооружения при каждом из нас всегда был «Стечкин» и небольшой арсенал в кожаных спортивных сумках: АКС, по четыре гранаты, рожки с патронами. Постоянно держали в поле зрения каждого проходящего мимо афганца: кто идет, не топорщится ли одежда, скрывая оружие? Хотя под специфичной национальной одеждой афганца спрятать можно все, что угодно.

Г.И. Бояринов давал санкцию и нашей тройке на самостоятельные выезды по Кабулу для разведки маршрутов, изучения местности и обстановки.

В Кабуле было два знаменитых рынка — «Зеленый» и «Грязный». Сотрудникам посольства не советовали посещать эти рынки в одиночку, а на «Грязный» ходить вообще не рекомендовали, так как он был местом концентрации криминальных элементов. Чисто бандитский район!

Втроем в штатском заезжали на эти рынки, оставив машину в укромном месте, бродили по торговым кварталам, знакомились с афганцами, с некоторыми впоследствии переходили на конспиративные отношения.

Не боялись разгуливать там, потому что могли дать неприятелю сильный отпор. Наверное, афганцы этот настрой чувствовали, поэтому никто нас не задевал, наиболее рьяные недоброжелатели просто отводили глаза в сторону. Видимо, исходила от нас уверенность, решимость, которую невозможно было не почувствовать. Но мне кажется, при удобном случае они могли бы содрать с нас шкуру, подвесив, как баранов. Такие случаи, к сожалению, имели место в Афганистане.

МЯТЕЖ В БАЛА-ХИСАРЕ

Минул месяц моей командировки. 5 августа 1979 года случилась ситуация, близкая к экстремальной. Уже неделю шел пост, связанный с мусульманским праздником Рамазан (или Рамадан, Ураза), когда солдаты десантно-штурмового полка афганской армии, дислоцированного на северо-западной окраине города Кабула в крепости Бала-Хисар, подняли мятеж.

С утра были убиты многие офицеры и политработники. Бунтовщики начали грабить окрестные лавки и магазины, а ближе к полудню вывели бронетехнику и поехали в центр столицы «свергать Тараки» и «бить русских».

Против мятежников были подняты верные режиму части милиции (царандой), боевые вертолеты.

Для защиты советского посольства был выделен неполный батальон афганской пехоты при поддержке трех танков Т-34.

«Зенит» тоже был поднят по тревоге. Заняли оборону по внутреннему периметру служебно-жилого комплекса посольства, однако до боевых действий дело не дошло. Бронетехнику мятежников на узких улочках Кабула сожгли НУРСами вертолеты. Бунтовщики вынуждены были возвратиться в крепость и до вечера отстреливались. В конце концов, верные режиму войска подавили мятеж.

Зло порождает зло. Царандоевцы подогнали бульдозеры, вырыли несколько рвов. Оставшихся в живых мятежников, разоруженных и ободранных, поставили вдоль насыпи и расстреляли. Бульдозеры заровняли землю — и следа не осталось.

Мятеж в Бала-Хисаре продемонстрировал реальность угрозы вооруженного нападения на советские учреждения и заставил руководство всерьез задуматься о

вопроса мобилизационной готовности советской колонии. «Зениту» было поручено изучение и проработка возможных маршрутов эвакуации сотрудников посольства, советских специалистов и членов их семей.

Все без исключения «зенитовцы» занимались сбором разведывательной информации в Кабуле, провинциях. Изучали подходы к объектам в Кабуле, которые в будущем планировалось брать под контроль, наносили их на карту. Впоследствии несколько групп команды «Зенит-2» уже более плотно стали проводить рекогносцировку на местности в афганской столице, особенно в зоне тех объектов, которые стояли в планах на захват во время проведения операции «Байкал-79». Мы были теми «муравьями», которые тащили информацию с различных мест, чтобы руководящее ядро принимало правильное политическое решение.

Вскоре особая миссия «куосовцев» завершилась: 4 сентября «Зенит-1» вылетел в Союз, а 19 сентября в Кабуле уже начал действовать отряд «Зенит-2». Большую часть команды «Зенит-1» отправили на Родину, оставив нескольких «стариков», знавших афганские языки. В числе них и бакинец Алик Оруджев. Первый отряд прибыл в Кабул, полностью укомплектованный личным составом. «Зенит-2» создавался на месте из «стариков» и новичков, закончивших КУОС и прибывших из Союза.

Вернувшись в Воронеж, я приступил к будничной оперативной работе. Об афганской командировке никто, кроме руководства, не знал. Командировочное удостоверение выдавали только до Москвы...

ПО ВТОРОМУ КРУГУ. «ЗЕНИТ-2»

Моя мирная жизнь оказалась короткой.

Конец ноября 1979-го. На имя начальника Воронежского управления КГБ приходит срочный вызов: «Откомандировать старшего лейтенанта Пономарева Б.Л. в распоряжение ПГУ КГБ СССР. Прибыть по адресу: МО, Балашиха».

Вторая командировка нигде, даже в личном деле, хранящемся в архиве Воронежского управления ФСБ РФ, не отмечена. События, которые в декабре 1979 года вершились в Афганистане, система старалась спрятать как можно дальше, чтобы следов никаких не оставалось. И это правильно, на то она и секретная служба!

Почему меня снова вызвали в Афганистан? Начали формировать группы для проведения операции «Байкал» и решили их усилить за счет старых кадров, ранее входивших в команду «Зенит-1». Так я оказался в Афганистане вторично.

В Балашихе меня включили в одну из команд, состоящую из восемнадцати офицеров различных направлений (военные контрразведчики, представители 8-го отдела Управления «С» ПГУ, центрального аппарата КГБ СССР). Старшим был полковник ПГУ Голубев Александр Титович (ныне председатель Совета ветеранов внешней разведки России).

В один из дней на автобусе нас привезли в загородную резиденцию «Первого главка». Короткое сухенькое совещание, стандартные слова-напутствия. Никто из руководства, выступавшего перед нами, не представлялся. Только потом я узнал, что это были заместитель начальника Главка Шебаршин, представитель Управления «С» (нелегальная разведка), начальник Управления «К» (внешняя контрразведка) генерал Калугин и еще несколько лиц.

В Ташкент с аэродрома «Чкаловский» вылетали отдельной группой. Уже знакомый нам «Андроповский» Ту-134 был забит грузом под самую крышу. Перед отлетом всем выписали загранпаспорта. Правда, в руках их держали недолго. После того как каждый проверил правильность написания своей фамилии, документы забрали. Тем, кто заметил ошибку, сухо и лаконично объяснили:

— Это не имеет особого значения. Вам паспорта все равно не понадобятся.

В Ташкенте временно разместили в гостинице для военных.

Стали энергично готовиться к вылету в Афганистан. Съездили в войсковую часть, расположенную в пригороде Ташкента. Получили оружие: автоматы, пистолеты, гранаты, а также форму, но не спецназовскую, а солдатскую! Гимнастерка, шаровары, солдатские кирзовые сапоги, ремень с белой бляхой (такие носили стройбатовцы), зимняя шапка, бушлат, нижнее белье, портянки. Примерили форму, подшили подворотнички, нацепили общевойсковые эмблемы. Так, будучи капитаном, на время я превратился в «сержанта».

Для «медицинских целей» нужно было прихватить и спиртное. Санкцию дал Александр Титович. Мы скинулись и купили два ящика водки. Потом подумали-подумали и... купили еще и третий ящик. Руководивший закупками Саша Иващенко из Горького с юмором сказал: «Если водки окажется много, то лишнюю выбросим!» Взяли советские «деликатесы»: селедку, черный хлеб, лук, чеснок.

Наконец, пришел день вылета. Рано утром покатали на Ташкентский аэродром. Загрузились в «Антей» — Ан-22 — завораживающая воздушная машина!

В Афган, в Афган, в Афган!

До места лететь минут сорок. На уме только одна мысль: что нас ждет впереди?

О ПОЛЬЗЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ КАРТ

Не знаю, почему, но, выезжая из Воронежа в Москву, я интуитивно прихватил с собой хорошо иллюстрированную туристическую схему Кабула, привезенную из первой командировки. Как будто предчувствовал, что пригодится...

Отправляя нас в чужой город для проведения спецоперации, нам не выдали ни карт, ни схем, ни планов Кабула. Исправлять обозначившийся пробел предстояло на месте. Туристическую схему в Баграме я отдал Якову Семенову. На ней были обозначены улицы, здания, мосты, рынки. Но понять, какие именно здания там отмечены — жилые или административные, больницы или школы, этажность — предстояло в процессе доразведки. Она и стала основой для самопальной топокарты, изготовленной «зенитовцами».

Город был разбит на отдельные сектора. «Зенитовцы» вносили необходимые уточнения в план отведенного каждому участка и перерисовывали его на отдельные листы бумаги. Потом эти листы собирали в единую, цельнокроенную схему. И таким образом под руководством Якова Семенова к условному сроку был создан рукотворный топографический шедевр, с которого сняли несколько фотокопий.

Когда прилетел Ограниченный военный контингент, у них тоже не было современных карт. И все то, что «зенитовцы» нарисовали раньше, стало для них открытием.

Впоследствии Яша Семенов возвратил мне туристическую схему. Половинка от нее осталась у меня на память с автографом спецкора в Афганистане Фариды Сейфулмулюкова, а другая часть карты осталась у моего товарища Усмана Чарыева.

ПО МАРШРУТУ ТАШКЕНТ—БАГРАМ

9 декабря 1979 года Ан-22 доставил нас вместе с грузом из Ташкента в Баграм: в огромном транспортном самолете, кроме людей, стояли, закрепленные цепями и колодками, грузовик-бензовоз и БРДМ.

В «группу Голубева» входило восемнадцать сотрудников различных структур; и по легенде мы проходили как инженерно-техническая группа «мусульманского» батальона.

Общая численность всех «зенитовцев» в Афганистане к началу декабря соста-

вила около 150 человек. Руководство осуществлял полковник А.К. Поляков. Основной состав отряда размещался на трех виллах в Кабуле, арендованных посольством СССР.

«Зенит-1» размещался в самом посольстве, «Зенит-2» жил на трех оперативных виллах в Кабуле неподалеку от посольства. Одна из групп вела переговоры «со здоровыми силами общества», то есть с оппозицией, которой, по предварительным замыслам, отводилась решающая роль в операции по переходу ко «второму этапу Апрельской революции».

13 декабря оппозиция должна была возглавить «выступление народных масс», которое бы привело к «маленькому перевороту» и смещению Амина. Заранее на одну из вилл завезли оружие. Но в назначенное время за оружием прибыла только незначительная группа оппозиционеров. Как оказалось впоследствии, многие из них смутно представляли, как пользоваться оружием. Выступления не состоялось.

Позже мы обсуждали в своем кругу: как и почему была сорвана операция? Кто за этим стоял? Струсил афганские лидеры или была иная причина? И сошлись на том, что реально не было никакой «конструктивной оппозиции», была только говорильня, афганцы во всем рассчитывали на помощь шурави.

Но в «маленьком перевороте» свою роль должны были сыграть и спецподразделения. 13 декабря основная часть «зенитовцев» уже сосредоточилась в Баграме. Отряд был разбит на группы, перед которыми были поставлены конкретные задачи по захвату объектов в столице.

На объект «Дуб» — резиденция Амина в центре Кабула — была по плану выделена группа «зенитовцев» в количестве двадцати двух человек во главе с Я.Ф. Семеновым и рота из так называемого «мусульманского» батальона (подразделение спецназа) на тринадцати бронетранспортерах. Кроме того, нам были приданы: взвод ЗСУ «Шилка» (4 единицы), взвод БМП (4 единицы), взвод АГСМ (4 единицы).

И это против двух тысяч афганских гвардейцев, семи танков, охраняющих Дворец!

К Дворцу примыкал вплотную Генштаб, который также охранялся значительными силами.

Задачи ставил заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Н.М. Гуськов.

Было понятно, что совершить почти семидесятикилометровый марш-бросок, внезапно атаковать и взять объект — задача нереальная. Тем не менее, 11, 12 и 13 декабря до 14 часов проводились организационные мероприятия по подготовке операции: добывалась информация, составлялись планы и схемы охраны объектов, уточнялись вопросы взаимодействия.

По плану в составе группы из пяти БТРов мы должны были на огромной скорости снести броней парадные ворота Дворца (а ведь это мощная конструкция с прутьями в два пальца толщиной!) Быстро подавить из гранатометов стоящие с внутренней стороны вблизи ворот два танка (которые вроде бы даже вкопаны в землю по башни) и две или три БМП, а затем разъехаться вправо и влево по узким дорожкам вдоль четырехэтажных казарм, где располагаются гвардейцы. При этом на броню вылезет переводчик и в мегафон («мегафоны мы вам привезем позже!») объявит, что антинародный режим кровавого Амина пал, и предложит гвардейцам сдаваться и выходить из казарм без оружия и с поднятыми руками. Предполагалось, что гвардейцы тут же выйдут из своих казарм. Ну, и так далее...

14 декабря в 14 часов был получен приказ на боевые действия, доложено решение. В 15 часов 30 минут приказ был доведен до личного состава всех участников планируемой операции, в том числе и «группы Голубева».

В срочном порядке нам принесли несколько противотанковых гранат, которые

мы увидели впервые. А как их применять? На них несмыслимой краской была нанесена инструкция, прочитали, разобрались.

Нас предупредили, что после перевала на подходе к городской черте, возможно, придется прорываться через танковые заслоны, и эти гранаты могут понадобиться. Еще одна «радость» для передовой штурмовой группы! Никто не хотел брать гранаты, но я на всякий случай одну взял себе.

Команда: «По машинам!» И на БТРах двинулись в Кабул.

Далеко уехать не успели. В пути находились минут пятнадцать-двадцать, когда, к счастью, поступила команда «отбой».

Неизвестно, чем бы кончилась эта неподготовленная, можно сказать, авантюрная операция. Но в те далекие времена мы были молоды, энергичны, в некотором отношении и простодушны. Готовы были выполнить приказ, даже если понимали, что нас ждет смерть...

Легко сказать: «Отбой, операция отменяется...» А уже был блокирован Баграмский аэропорт, персонал нейтрализован, аэродром полностью взят под контроль советскими бойцами. Как объяснить афганцам такие наши действия? Нужно было ситуацию «отыграть назад», придумать правдоподобную легенду. Вскоре она и была предложена афганцам и «откатана» на всех уровнях, вплоть до Амина: «Советские войска проводили учения по блокированию аэропорта и отражению нападения возможного противника».

А закончился этот день, 14 декабря 1979 года, тем, что под вечер был открыт воздушный мост с Ташкентом. По просьбе афганского правительства Советский Союз ввел войска для охраны стратегических объектов. В Баграме начали садиться «Антей» с десанниками Витебской воздушно-десантной дивизии, 345-го парашютно-десантного полка, мотострелковой дивизии ТуркВО, отдельного мотострелкового полка САВО и техникой.

После неудачной попытки началась более основательная подготовка к операции. Нам объявили, что передислоцируемся в Кабул.

«Команду Голубева» рассредоточили по различным направлениям: военных контрразведчиков — для работы в армейских подразделениях, оперработников из центрального аппарата прикрепили к высшему руководству для разработки операций на конкретных объектах. Оставшуюся часть команды перевели под крышу «мусульманского» батальона, которому предстояло брать резиденцию Амина и выполнять дополнительные специфические функции. Но Александр Титович курировал нас до самого окончания этой легендарной спецоперации.

20 декабря Амин, сменив свою резиденцию, перебрался во дворец Тадж-Бек. При Дауд-хане в Тадж-Беке размещался штаб Центрального армейского корпуса. Сюда же была передислоцирована афганская бригада охраны во главе с майором Джандатом.

На охрану дворца Тадж-Бек из Союза перебросили «мусульманский» батальон. Амин и службы безопасности утвердили место его дислокации: между первым и вторым афганскими эшелонами охраны. Не внизу, у подножия горы, а в средней части, на пути движения к дворцу. Схему охраны дворца и первого лица разработали советские офицеры — «девятчики», она была грамотной, обоснованной. Хотя они и не были информированы о готовящейся тайной операции по штурму дворца, но согласились с тем, что с точки зрения охраны первого лица именно так и разумно расположить советский батальон.

Для «мусульманского» батальона и затем для группы «Зенит» выделили недостроенную казарму, стоявшую ниже дворца по склону, в которой не было ни окон, ни дверей.

Внутри дворца несла службу личная охрана Хафизуллы Амина, состоявшая из его родственников и особо доверенных людей. Они и форму носили специальную,

отличную от других афганских военнослужащих: на фуражках белые околыши, белые ремни и кобуры, белые манжеты на рукавах. Ниже стояли стационарные посты — несколько танков, закопанных в землю, пулеметные гнезда, еще ниже — батальоны афганской охраны.

Когда договоренность о дислокации «мусбата» была достигнута, афганцы якобы поставили условие: «Оружие можете брать, а боеприпасы только в ограниченном количестве». Так ли было на самом деле, я не могу сказать. Скорее всего — именно так.

ПЕРВЫЙ БРОСОК НА КАБУЛ

Первый марш-бросок из Баграма на Кабул группа «Зенит», «мусульманский» батальон, военные решили провести ночью. Сотрудники «Зенита» вошли в «мусульманский» батальон в составе так называемой 6-й роты. Когда стемнело, со всем своим нехитрым скарбом расселись по БТРам, построились в колонну. Часть «мусульманского батальона» и десантников оставалась охранять авиабазу.

Всего около семидесяти километров от Баграма до Кабула. Но, отъехав несколько десятков километров, наш БТР уже вынужден был взять на буксир другую боевую машину. Колонна двигалась черепашьям шагом. За дорогу треть машин вышла из строя. А если бы 13 декабря настояли на идиотском плане штурма?!

Уже в городе в колонну «затесались» две или три автомашины с местными номерами. Судя по всему, это была служба наружного наблюдения афганской контрразведки. Короткие переговоры с ними, и колонна повернула в сторону крепости Бала-Хисар. По дороге часть бронетехники откололась, следуя на приписанные им объекты.

Подъехали к стоящему на юго-западной окраине столицы президентскому дворцу. Разминая затекшие ноги, спрыгнули на землю. Осмотрелись. В свете фар вблизи от дворца Тадж-Бек были видны недостроенные двухэтажные здания из красного кирпича. Оказалось, что именно там будем базироваться. Стали разгружаться. Солдаты таскали из грузовиков разобранные двухъярусные железные койки, матрасы и прочий нехитрый армейский скарб.

Буквально часа через полтора прозвучал сигнал тревоги.

— Пропал парный патруль! — пояснил нам Александр Титыч.

По его команде я запрыгнул в бронетранспортер и вместе с офицерами из «мусбата» отправился на поиски солдат. Минут двадцать колесили по местности. Потом по радиации услышали радостное сообщение: «Нашлись!».

Горе-бойцов, таджиков из «мусбата», звали к себе на точку охраны афганские офицеры, немного побили, пытаясь выведать информацию о планах шуравы. Солдаты все, что знали, то и рассказали. Афганцы похвалили их, мол, земляки должны уважать друг друга и помогать во всем. Потом угостили их чаем с конфетами и орешками. На прощание подарили пачку сигарет «Кент» и брелок для ключей.

Миша-особист «мусбата» убедил нас, что бойцы ничего знать не могли о наших тайных замыслах.

Спустя время кое-как разместились на первом этаже. Казарма не была приспособлена для жилья, в некоторых комнатах полы были еще не забетонированы, окна без стекол. На окна натянули плащ-палатки, поставили печки-буржуйки, койки в два яруса. Афганцы выдали одеяла из верблюжьей шерсти.

В тот год зима в Кабуле была довольно суровая, ночью температура опускалась до 20 градусов мороза и ниже. Но климат сухой, и мы не очень мерзли. Бодрило и ожидание очень серьезной и ответственной задачи.

Через день в токах привезли афганскую форму аскеров (из грубого ворсистого сукна, похожего на плотную мешковину), в которую нам предстояло переодеться. Форму свалили в отдельную комнату. Рядом грудой навалили военные башмаки.

Оказалось, что подобрать форму не так просто. Короткие куртки и брюки были раскроены и сшиты кое-как: одна штанина длиннее другой, непонятно какие застежки на рукавах и так далее. Кроме того, нитки были совершенно гнилые, и уже при примерке форма расползлась по швам. На ботинках подошва была очень хорошая, рифленая и на вид прочная. На ней стояла маркировка: «Made in Italy». Но сшиты были ужасно!

Между тем наши ряды пополнялись. Из Москвы прилетали ребята, КУОСовцы, некоторых знали по учебе. Появился и Борис Суворов, с которым я был на курсах в Балашихе, и другие, вошедшие в «зенитовскую» группу. Они разместились на втором этаже, на первом свободных мест уже не было.

Стал пополняться и генеральский корпус. На втором этаже казармы появились новые жильцы, которые вместе со своими адъютантами занимали отдельные помещения. Прилетел и наш самый главный командир — новый начальник Управления «С» ПГУ Дроздов Юрий Иванович. Все говорили, что это настоящий профессионал. Имеет опыт боевых действий еще с прошлой войны. Дроздов оказался энергичным, высоким, худощавым человеком. Он обошел позиции. Приветливый, доброжелательный, со всеми здоровается, не гнушается беседовать с младшими офицерами.

Тытич сообщил, что старшим над «зенитовцами» назначен Яков Семенов, мы переходим в его подчинение.

В Баграм из Кабула каждый день ходили до десятка машин. «Зенитовцы», знавшие Кабул, сопровождали эти колонны. В очередную поездку я отправился с Нуриком Курбановым.

Дорога до Баграма не очень длинная, скучная и однообразная. Никто нас не тормозил и не интересовался, кто мы такие, куда едем. На авиабазе грузовики быстро загрузили тяжеленными ящиками, в которых было оружие и боеприпасы. Сверху для маскировки набросали солдатские металлические койки, матрасы, стулья, лавки, нехитрый армейский хозинвентарь, узловатый саксаул, которым топили буржуйки.

Двинулись в обратный путь. С переводчиком сели в головной ГАЗ-66. В колонне было восемь машин. Следом за машиной и в хвосте поставили по БТРу, на которых находились бойцы «мусульманского» батальона.

Перевалили через перевал, вдали уже показались кабульские улочки. Смотрю в зеркало заднего вида: около колонны суетится «жигуленок», то с одной машиной поравняется, то с другой, и с сидящими на «броню» пытаются заговорить. Понятно, это афганская контрразведка.

Я высунулся из кабины, прикрикнул на «мусульман», чтобы спрятались внутри «брони». «Жигуленок» резко ушел вперед.

Подъезжаем к городским окраинам. И видим стоящий поперек дороги «ЗИЛ» и знакомые нам «Жигули».

С переводчиком переглянулись, и я ему говорю:

— Придется останавливаться. Пойди, объясни им, что везем для посольства мебель.

Переводчик вышел из машины, а я переложил автомат на колени: на душе стало тревожно, прорвемся или нет?

Переводчик вернулся быстро. Деваться некуда, если сказали — в посольство, то придется ехать в этом направлении. Но даже в таком случае оставался вариант:

за посольством можно узенькими улочками выйти к дворцу, я знал этот путь. Теперь все зависело от нашей выдержки, хладнокровия и... удачи.

Несколько секунд проходила внутренняя борьба: заезжать в посольство, а потом думать, как доставить боеприпасы, или сразу прорываться? Я решил на второе. Когда до посольства оставалось метров сто-сто пятьдесят, водителю приказал:

— Скорость снижаем до минимума, чтобы догнали отставшие машины.

Затем, завернув за угол, резко прибавили ход. Здесь еще оставались препятствия в виде стационарных афганских постов, на которых стояли часовые.

На первом же посту сарбоз попытался преградить дорогу, я высунулся из кабины и замахал рукой:

— Прочь с дороги, не видишь, колонна идет!

Мы проехали мимо него, накрыв с ног до головы облаком пыли. На подъездах к загородной резиденции афганские охранники уже привыкли к нашим экспедициям, и потому особой бдительности не проявляли.

Машины с боеприпасами подогнали вплотную к дверям казармы, и быстро все выгрузили внутрь.

Два этих события — прерванный марш на Кабул 14 декабря и поездки за боеприпасами в Баграм — оставили в памяти яркий след.

20 декабря. На календаре профессиональный праздник — День чекиста.

Виталик из Ленинграда припрятал бутылку водки и бутылку сладкого вина для своего дня рождения, которое отмечал в начале января. Но Сережа Чернухин из Горького во всеуслышание объявил, что до дня рождения еще далеко, а сегодня общий праздник. Так что не жмотитесь! Общественность эту мысль поддержала, Виталию пришлось пожертвовать спиртным. Выпили из железных кружек за «систему», за здоровье. Всем досталось по капельке.

«ОСЕДАНИЕ» ОКОЛО ДВОРЦА

Дворец Тадж-Бек располагался на окраине Кабула в районе Дар-уль-Аман (что на фарси означает «Вместилище спокойствия») на холме, поделенном на террасы. Подступы к нему освещались и были заминированы. Выйти к зданию можно было либо по лестнице, либо по серпантину, которые охранялись постами гвардейцев.

Дворец представлял собой трехэтажное здание, построенное в классическом английском стиле: с колоннадой вдоль фронтона, полукрытыми террасами с обоих концов здания, остроконечной крышей. Подсвечивался сверху и снизу прожекторами. Всем своим видом и расположением он символизировал власть над горной страной.

Таким мы видели дворец, который предстояло в ближайшие дни штурмовать...

«Группа Голубева» разместилась на первом этаже казармы в комнате, рядом с лестничным пролетом, ведущим на второй этаж. В комнате стояли двухъярусные койки, жили человек восемь. Я, Валера Курилов, Кимяев, Сережа Чернухин, Саша Иващенко и еще несколько ребят.

Коротали время за игрой в «кинг», по очереди топили печку. В топку шло все, что горит — ящики из-под тары, саксаул. С дровами была напряженка, ведь у афганцев они продаются на вес, как продукты питания.

Рядом с казармой на господствующих высотах на расстоянии прямой видимости от дворца поставили две «Шилки», оборудовали огневые точки. Неподалеку расположилась подгруппа «Зенита» в количестве десяти человек, которая вела постоянное визуальное наблюдение за дворцом.

Утром после штурма дворца Тадж-Бек.
Б. Пономарев стоит второй слева

Оттуда тоже наблюдали за нашими действиями. Все как на ладони! Чтобы сбить их с толку и заставить не обращать внимания на шум в лагере, мы каждый день имитировали учения — со стрельбой, марш-бросками и ревом моторов. На рассвете заводили технику, садились в нее, выдвигались в долину и обратно. Одиночные БТРы позволяли себе «наглость» доезжать до ворот дворца. Одна из групп «зенитовцев» вместе с Яшей Семеновым и «громовцами» посетила ресторан на горе, находившийся на высотке, чтобы провести визуальную разведку.

23 декабря прибыла группа «Гром» во главе с майором М.М. Романовым. Их разместили на втором этаже казармы. Экипировка «альфовцев» была ориентирована на систему и вооружение западногерманского антитеррористического подразделения. Они выделялись сферами (бронированными касками), у нас были обычные солдатские каски. Оружие аналогичное нашему: автоматы Калашникова, снайперские винтовки.

И хотя нам все время говорили: «С этими не общайтесь, с другими», но как это сделать, если живешь в одной казарме и будешь с этими людьми выполнять одну задачу? Кто-то из «громовцев» вышел во двор, слово за слово, и сразу выяснилось, что это свои. Информация распространилась мгновенно: «Альфовцы» приехали». Стали знакомиться, накоротке общаться. Запомнил Мишу Романова, остались в памяти Виктор Карпухин, Сергей Голов, Эвальд Козлов и многие другие.

В «Зенит» подбирали физически развитых парней, но «громовцы» выделялись и среди нас своей комплекцией — высокие, крупные, словно по шаблону скроенные — отборные ребята. Сергей Голов — почти двухметрового роста, все остальные ему под стать! И неудивительно, ведь многие из них профессиональные боксеры, борцы. Одеты были так же, как и мы, «зенитовцы», в афганскую форму.

27 декабря к обеду задачи были поставлены, группы определены. «Группа Голубева» должна была захватить первый этаж дворца, подавить сопротивление и заблокировать его. Взять под охрану сейфы с документами. Кроме того, мы должны были помогать другим подгруппам сломить сопротивление гвардейцев, если таковое будет. «Громовцам» предстояло проскочить выше и не дать Амину уйти.

Ни плана дворца, ни схем не было. Странно как-то получалось...

За несколько минут до штурма к нам забежал кто-то из руководства и стал быстро объяснять, развернув незамысловатую, нарисованную от руки, схему.

— Вот центральный вход... Вот вход с противоположной стороны... Вот так идут коридоры, служебные помещения, здесь один лестничный пролет, а там второй. На первом этаже стоят несколько железных ящиков. С документацией. Вот здесь и здесь... И в этом кабинете тоже. После того как проведете полную зачистку — вам будут помогать все, — группа берет под охрану сейфы и все, что находится здесь. Это задача первого этапа. Часть вашей группы, по обстановке, окажет помощь в зачистке второго этажа. Задача понятна?

Нам оставалось только кивнуть в знак согласия. Осмысливать было некогда.

Раздали боеприпасы. Магазины набили два через один «трассерами», чтобы в темноте видеть траекторию стрельбы и корректировать огонь...

Каждому выдали по одному перевязочному пакету.

Готовимся, чистим оружие, набираем патроны в запасные автоматные рожки, разбираемся с амуницией. Никаких профессиональных «разгрузок» тогда еще не было. Армейский толстый ремень — и все, что положено, нанизываешь на него.

Из посольства прислали водку. Красивые бутылки с «винтом» и названием «Посольская». Несколько штук в коробке занесли и в нашу комнату, положили на койку.

Стало вечереть. Титыч куда-то исчез, а затем вернулся в сопровождении четырех солдат, которые стали затаскивать в комнату и складывать у стены бронежилеты.

— Ребята, разбирайте броники! — скомандовал Титыч.

Тяжелые, с большим вырезом на груди — как декольте! Спина не защищена. По бокам — шнуры, которые надо завязывать. Сверху металлические пластины покрыты темным материалом со швами, как на телогрейке. Жилеты оказались короткими: нижняя передняя часть не достает до паха. Понимали, что в серьезной заварушке бронежилет не спасет: от пули, осколка — да, а вот автоматная очередь прошивает его запросто. Бронежилет был скорее для успокоения: хоть какая-то защита!

Жилет был тяжелый и сковывал движения. Поверх него я кое-как натянул куртку. На поясной ремень нанизал подсумки с четырьмя набитыми рожками, с гранатами, ПМ в кобуре, штык-нож и даже саперную лопатку. Оглядел себя: как же двигаться в таком облачении? Но делать нечего: надо привыкать!

Зашел Титыч.

— Ребята, чтобы друг друга не перестрелять, решено каждому на правый рукав повязать белую повязку.

Титыч посмотрел на часы и сделал знак в сторону лежащих на койке бутылок.

Усман разлил «бульки» по кружкам. Титыч пожелал всем удачи. Молча сдвинули кружки. В это время зашел Григорий Иванович Бояринов в своей коричневой кожаной куртке. «Как дела? Все готовы?» Александр Титович, кивнув на кружки, попросил Григория Ивановича принять с нами за удачу. Мы все загалдели.

Он взял кружку.

— Вот! Как на фронте: наркомовские сто грамм!

— Ну, что... — Григорий Иванович опустил голову, помолчал. — Давайте выпьем за то, чтобы завтра утром в том же составе встретиться здесь и поднять тост за нашу победу! Удачи всем!

Я глядел на нашего Отца: на его лице читалась какая-то странная грусть, но внешне она ни в чем не проявлялась. Говорил спокойно, пытался вселить во всех нас уверенность, но внутри в нем самом чувствовалось большое напряжение и легкая подавленность. Слово Бояринов предчувствовал опасность, переживал за нас, что не может всех уберечь от беды...

ОПЕРАЦИЯ НАЧАЛАСЬ

Операция «Байкал» исследована и описана историками буквально по минутам, вошла в пособия спецслужб как пример блестящей операции. Но она могла закончиться и трагедией, и провалом. Так много было всяких случайностей. Нет смысла, наверное, повторять уже известное.

Хочу добавить только то, что из всех офицеров и солдат, принимавших участие в штурме дворца Тадж-Бек, никто полностью плана операции не знал и общей ситуацией не владел. Каждый действовал на своем узком участке, фактически в роли простого бойца. У каждого в памяти запечатлелся свой «объект», свой «кусочек» боя, свое «окно», своя «дверь», свой «парапет», свой «пролет», своя «лестница», свой «эпизод», свой «конкретный противник». Для большинства это было боевое крещение — первый, а для кого и единственный настоящий бой в жизни. Многие офицеры и солдаты были ранены, некоторые погибли.

27 декабря в столице штурмом, помимо основного объекта «Дуб» — дворец Тадж-Бек, предстояло захватить девять объектов: Генштаб, Царандой (МВД), КАМ (Служба безопасности), телеграф, почта, телерадиоцентр, тюрьма Пули-Чархи, узел связи («колодец»). Дворец являлся основным объектом, на котором решалась главная задача — «ликвидация Амина».

...Из посольства в расположение «мусульманского» батальона приехали два представителя будущего правительства Афганистана — Гулябзой и Сарвари.

В качестве поддержки на усиление прибыла 9-я парашютно-десантная рота 345-го отдельного парашютно-десантного полка В.А. Вострогина.

Заход в район дворца предполагался с двух сторон. «Громовцы» заходили по серпантину, а команде «зенитовцев» предписывалось штурмовать пешеходную лестницу, выходившую на торец дворца. Потом, соединившись у фасада, вместе они должны были проникнуть во дворец.

«Мусбатовцам» ставилась задача: отсечь тех, кто мог предпринять попытку прийти на поддержку гвардейцев, защищающих дворец изнутри.

Как я и говорил, навьючились мы плотно, и в таком виде нужно бегать, прыгать, вести огонь, метать гранаты. Да еще в горах, а не на равнинном полигоне. От каждого «пустыка» могла зависеть жизнь — собственная или товарищей.

Никто нас не инструктировал — ни Яша Семенов, ни Титыч, ни сам Г.И. Бояринов, — что делать с ранеными? Будто их и не должно быть. Не исключено, что такое развитие событий не просчитывалось. Мы поняли, что нужно выполнить одну единственную задачу, а там будь что будет.

Напоследок нам еще раз повторили: кто в каком бронетранспортере идет, у кого какая задача. У «громовцев» была отдельная задача, как говорим, «по ликвидации».

Я не слышал никакого сигнала — ни взрыва «колодца» (от города были достаточно далеко), ни сигнальной ракеты. Может, просто пропустил этот миг. Но мне кажется, не было единой команды! С напряжением ждали команды в своей ком-

нате, вдруг слышим топот — по лестнице со второго этажа бегут «громовцы». Мы схватили автоматы, снаряжение уже на себе, и бегом во двор.

Как оказалось, все началось раньше назначенного времени.

Первый БТР уже рванулся в сторону дворца, только хвост его увидели, второй и третий тоже двинулись. Заскакиваем в четвертый БТР, задраиваем люки. Я сижу около заднего люка; на десантах, кроме «зенитовцев», солдаты из «мусульманского» батальона. Их задача была занять оборону и обеспечить продвижение «зенитовцев» вперед, отсекая огнем афганцев, которые будут пытаться прорваться на помощь гвардейцам Амина.

Выскакиваем на серпантин. Нужно проехать два витка, но в начале второго БТР вдруг остановился. Огневые точки, которые должны были быть подавлены армейцами, уже стреляли по нам всюду, как только мы успели тронуться и пройти несколько сот метров.

Вместо обещанной «настоящей» артподготовки по дворцу (и то с одной стороны, в торец здания) били всего две самоходные зенитные установки «Шилка», не причиняя никакого вреда дворцу. 23-миллиметровые снаряды отскакивали от толстых стен, высекая гранитную крошку и рикошета. Но все же огонь «Шилок» оказал сильное психологическое воздействие на гвардейцев, охранявших дворец и, несомненно, явился одним из факторов утраченного.

Канонада из «Шилок» зазвучала еще до того, как бронетранспортеры успели отъехать от казармы. И раньше, чем был взорван колодезь связи в центре Кабула.

Бронетранспортер с четвертой подгруппой «зенитовцев» под руководством Виталия Щиголева, в составе которой находился и я, остановился. Часть бойцов «мусульманского» батальона с обоих люков под ураганным обстрелом десантировалась. Я сидел на задней лавке бронетранспортера непосредственно около люка. Перед моим взором, после того как выскочили «мусбатовцы», показалась сплошная громадина дворца. БТР стоял, не дотянув до точки десантирования почти одно кольцо, и чуть ли не прямо перед фасадом здания. Перед нами высилась бетонная укрепленная высота более трех метров, а выше нее в ночи под светом прожекторов стоял во всем великолепии дворец, до которого необходимо было добраться любой ценой.

Взрывы гранат, огонь «Шилок», трассирующие пули со второго-третьего этажей. По нашей броне горохом стучали пули. Начался настоящий бой.

Резко вскинув автомат и оперев его на открытый задний люк, прямо из БТРа я дал длинную очередь в сторону автоматчика, поливающего свинцом с правого крыла второго этажа по первой цепи наступающих. Огонь прекратился. Смотрю, с левого крыла дворца тоже засветилась строчка из трассирующих пуль. Почти полный рожок автомата разряжаю и по этой точке. Вроде и вторая замолчала.

Поливаю из автомата, а сидящие рядом со мной на десанте «зенитовцы» матерятся: им горячие гильзы летят в лицо, за воротник, за пазуху.

Выскакиваю из БТРа. Становлюсь с бойцами из «мусульманского» батальона в полуметре от каменной стены, под прикрытием брони, и пытаюсь понять, где мы, куда прорываться. На мгновение вместе с группой ребят из «мусбата» оказался на виду у охранявших вторым кольцом обороны аминских охранников. Помню, перед нами что-то горело, корячился раненый афганец. Не исключено, что мы оказались около того места, где «громовцы» на БМП сбили шлагбаум и стоявшего там охранника.

В этот момент откуда-то снизу по нам открыли шквальный огонь. Я буквально кожей ощутил, как надо мною кучно пронеслись пули. Стоявший рядом мальчишка из «мусбата» начал оседать на землю, ухватившись рукой за раненое плечо. Никакого стога. Солдат держался молодцом, только глаза расширились, терпел. Еще не осознав опасности, в которой мы оказались, я спокойно вытащил из

кармана своей «аскервской» куртки перевязочный пакет и передал другому бойцу со словами: «Быстренько перевяжи товарища».

Град пуль прибил нас всех на короткое время к земле.

Я понял, что в горячке боя выскочил раньше времени.

Наш БТР продолжал стоять, видимо, водитель и командир не знали, как действовать дальше. Бойцы задраили люки. И правильно сделали: сверху могла залететь граната. Через некоторое время БТР медленно пополз вперед. Под его прикрытием я попробовал тоже продвигаться, но вынужден был выскочить из-за импровизированного укрытия, потому что боевая машина стала прижиматься к каменной стене.

БТР медленно полз вперед, пока не скрылся за крутым поворотом серпантина.

ВО ДВОРЦЕ ВЕЗДЕ ГОРЕЛ СВЕТ...

Стрельба снизу по нам поутихла. Через несколько мгновений, которые показались вечностью, я увидел, как справа под уклон бежит группа бойцов со штурмовой лестницей. Среди них я узнал и нашего «деда» — Турдали Масутова. Так мы называли одного из уважаемых после Титыча сотрудников ПГУ. Он не бежал, а быстро вышагивал прямой и гордой походкой вслед за смешанной группой, в которой были «громовцы» и «зенитовцы».

Я присоединился к ним. Спустились вниз под уклон метров на пятьдесят. Оказались с тыльной стороны дворца. По прогибающейся под тяжестью тел штурмовой лестнице поднялись на бруствер. Бросок через лужайку! Небольшим группами стали прорываться к дворцу с тыловой стороны. Чудом повезло, что проскочили без потерь. Говорили, что подходы к дворцу были заминированы. Кто знает, может, и в самом деле...

Передвигались, громко крича: «Не стрелять!», чтобы свои не пристрелили. Обогнули торец здания и у центрального входа встретились с ударной группой, которая с большим трудом и потерями пробилась к цели.

Перед глазами предстала нерадостная картина: один из наших офицеров лежал в большой луже крови. Как оказалось, это парторг «громовцев» Емышев, недалеко еще офицер — им оказался Андрей Якушев. Оба без движений. Увидел «зенитовца» Володу Буковского, раненного в ногу. Подскочил к нему, спросил, нужна ли помощь? Он, пересилив себя, отказался.

Небольшое замешательство. Отчетливо помню Эвальда Козлова, Виктора Карпухина, ребят из голубевской подгруппы, других «зенитовцев» и «громовцев». Некоторых знал только в лицо.

Эвальд моментально взял на себя общее руководство и с ударной группой, несмотря на ранение, рванул на второй этаж. Стрельба, взрывы гранат и пронзительные дикие истеричные женские крики со второго этажа стегали по ушам.

Прорыв «зенитовской» группы был затруднен. Первый БТР подбили, второй загорелся, экипаж десантировался. Несколько бойцов подошли к намеченному рубежу, а остальные были рассеяны, прижаты огнем к земле. Была подбита одна БМП у «громовцев». Первой прямо к парадному входу пробилась боевая машина пехоты под командованием Виктора Карпухина. Во дворец передовая группа штурмовиков ворвались только со второго захода.

Огненный шквал был такой, что не передать словами. У дворца стоял микроавтобус, так он в решето превратился. Сквозь него смотреть можно было насквозь.

В то время, когда штурмовые группы прорывались, понесли первые потери и ворвались в Тадж-Бек, бойцы «мусульманского» батальона и десантники создали жесткое огневое кольцо вокруг дворца, уничтожая все, что оказывало сопротивление. Им тоже пришлось вести бой с полным напряжением сил.

Во дворе везде горел свет. Группами начали тщательную зачистку всех помещений. Я влетел в вестибюль правого крыла: на полу, понутив головы, по-турецки, сидели около двадцати защитников дворца. Оружия рядом нет, оно разбросано в стороне от них — наверное, они предусмотрительно побросали его, а сами сбились в кучку. Быстро осмотрел всех: а вдруг что-то из оружия осталось. И действительно — один из сдавшихся протянул мне пистолет, я его машинально засунул под ремень. Никто из спецназовцев не стал палить по безоружным.

Оставив «мусульман» охранять пленных, я побежал на второй этаж. Помню, что рядом со мной оказался Александр Иващенко. Он вернулся к центральному входу, где сосредоточилась группа штурмовиков (после прорыва первой ударной группы и ликвидации вместе с Г.И. Бояриновым узла связи на первом этаже).

Рядом с нами оказалась женщина-врач из посольства, по-видимому, она не успела уехать с остальными врачами, которые вечером оказывали помощь Амину. Как она уцелела, не попала под шквал огня, трудно понять. Но она осталась жива, и у нее хватило мужества и смелости подняться вместе с нами на второй этаж, чтобы оказать первую медицинскую помощь нуждающимся. С трудом мне удалось убедить ее подождать, пока не будет освобожден второй этаж.

На втором этаже сгруппировалась родня Амина, рыдания женщин сильно били по нервам. Пальба слышалась из всех уголков.

Солдаты из охраны Амина, принявшие сначала спецназовцев за собственную мятежную часть, услышав русскую речь и мат, стали сдаваться. Как потом выяснилось, многие из них прошли обучение в десантном училище в Рязани, где, видимо, и запомнили русский мат.

Объединенными усилиями был захвачен второй этаж. Помню, я потянулся на третий этаж вслед за частью «громовцев». Заскочил в рабочий кабинет, как оказалось впоследствии, самого Амина. Здесь уже активно работали «громовцы», «шерстили» документы, паковали их. Собрали все, что могло представлять оперативную ценность. После сложили в мешки, чтобы отправить в посольство.

На полу поднял маркер с иностранными инициалами «Н.А.», визитку и фото Амина.

Затем я опять спустился на второй этаж. Здесь сбились в кучку оставшиеся в живых члены аминовской семьи, стояли «громовцы», небольшая группа «зенитовцев». Козлов, Карпухин, Яша Семенов и другие ребята... Как мне показалось, советских здесь было намного меньше, чем афганцев. Мелькали и гвардейцы без оружия, от которых можно было ожидать чего угодно.

На помощь стали подтягиваться десантники. Не разобравшись поначалу, что к чему, при подходе к дворцу они открыли огонь и по нашим бойцам. Впрочем, и не удивительно: ведь все мы — «мусульманский» батальон, группы «Зенит», «Гром» — были одеты в форму афганских аскеров (солдат). Единственное отличие состояло в том, что у нас были нарукавные повязки, успевшие потемнеть от копоти и пыли.

Штурм Тадж-Бека длился чуть больше сорока минут. Спецназ КГБ потерял убитыми четыре и семнадцать человек ранеными. В городе у советского спецназа и десантников потери составили 12 человек убитыми и 28 — ранеными. Как погиб Григорий Иванович Бояринов я не видел своими глазами. Но видел, как он лежал на носилках во временном госпитале для раненых бойцов в помещении на первом этаже дворца. Положили их рядом — мальчишку маленького, сына Амина, и Григория Ивановича, в его неизменной кожаной куртке.

Подошел к нему, чтобы в последний раз увидеть лицо своего Отца-Командира, а в это время солдат из «мусульманского» батальона пытается вытащить у него

пистолет из внутреннего кармана куртки. Я пригрозил ему кулаком, отобрал пистолет и передал его потом Эвальду Козлову.

Впоследствии Э.Козлов передал личное оружие Г.И. Бояринова в Музей памяти в Балашихе.

На лице Григория Ивановича не увидел следов ни от осколков, ни от пуль. Говорят, что из раны на шее впоследствии извлекли пулю калибра 5,45, такие были только у нас. Во время штурма он, по рассказу Александра Иващенко, оценив, что не хватает ресурсов, выскочил из здания, пытался подтянуть дополнительно бойцов из «мусульманского» батальона. Эта зона была мертвой, не простреливалась, и вот, видимо, тут срикошетила в него шальная пуля,

Григорий Иванович был крупным мужчиной, его не стали втискивать в БТР, а положили сверху на броню. И повезли по Кабулу в посольство, как на лафете. Словно отдавали последние почести настоящему русскому офицеру.

Полковник Г.И. Бояринов был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Во время боя почти все бойцы «Грома» и «Зенита» были ранены, а вот Виктор Карпужин, оказавшийся в самом пекле, не получил ни одной царапины.

Еще запечатлелась в памяти такая картина, которую можно увидеть разве что в фильмах: только стих бой, посередине зала стоит громадина Сережа Голов. Одежда на нем продырявлена, окровавлена, а он весь израненный, истекающий кровью стоит, не шелохнувшись... Непонятно, откуда появилась маленькая и худенькая женщина в белом халате. Так и врезалось в память: громадный Голов, а перед ним афганка...

Он самостоятельно стянул с себя куртку. Она стоит перед ним с бинтом, руки у нее дрожат, пытается забинтовать его вокруг тела и ей не хватает обхвата, чтобы наложить повязку. А он стоит, не шелохнувшись, будто равнодушный к тому, что происходит вокруг. Перебинтовали его, можно сказать, с трудом, и он в числе последних покинул дворец.

А мы занялись выполнением второй части задания: изъятием документов. Я спустился вместе с Володей Антоновым на первый этаж. В комнате секретариата стоял огромный сейф. Одно из десантников попросил притащить лом из БТРа и сбить китайский навесной замок — не получилось. Положили сейф на пол и вскрыли его с обратной стороны, как консервную банку. Нашли пачку разношерстных афганей, кое-какие документы — не так уж и много. Все обнаруженное передали Э.Козлову, который отправил все в посольство.

НАСТУПИЛА ТИШИНА

В течение часа-полтора после окончания штурма во дворце уже никого из сторонних не было. Уехали афганские чиновники, медики, ушли наши военные, забрав пленных и погибших. Не осталось ни родственников Амина, ни гвардейцев — кто в тюрьму, кто в госпиталь!..

Уставшие, физические и психологически опустошенные, мы сидим на полу на первом этаже, прижавшись спиной к стенке.

Смотрю на свою штанину: рваная, нитки висят. Зацепился за что-то? Пригляделся: две дырки, значит, насквозь! Пуля прошла по касательной, не задев кость, только срезав кожу на мыске, кровь уже запеклась. А я даже не почувствовал! Скорей всего, когда десантировался из люка бронетранспортера.

Уже на рассвете заработала рация на груди у Яши Семенова. Сообщили, что к дворцу пытается прорваться афганский танковый батальон; не тот, что стоял внизу, в эшелоне охраны, а из дивизии, стоящей под Кабулом. Для нас это стало не

самым приятным известием. Кроме стрелкового оружия, у нас с собой больше ничего не осталось. Даже если прорвется хотя бы один танк, спалить его будет нечем! Гранатометы, «мухи» — все осталось во втором подбитом БТРе.

Нам на этот раз повезло: еще до подхода к дворцу наши десантники расстреляли танки, жестко и решительно.

...Стало светать, откуда-то с группой бойцов у центрального входа во дворец появился замполит из «мусбата». На наших глазах его ранило.

После шальной очереди, непонятно откуда прилетевшей, рассредоточились вокруг дворца, заняли круговую оборону. С упреждением дали несколько очередей, явно не на поражение, чтобы десантники, зачищавшие внизу территорию, поняли, что во дворце свои. В этот момент в предрассветной темноте внизу холма десантники «прочесывали» местность. Как в кинофильмах про войну: бросают гранату во двор. Взрыв! Заскакивают, беглый осмотр, назад и далее. Еще бросок гранаты, и следующая территория прочесана.

Когда совсем рассвело, начали осматривать прилегающую территорию. Люки, подвалы, отдельно стоящие строения. Неподалеку был аминовский гараж. Вскрыли его, там стоял абсолютно новый бронированный «мерс». Не стали его корезить, зачем? Пригодится новой власти, хотя в той неразберихе его мог бы угнать кто угодно. И угнали, как потом выяснилось — наши армейцы, даже целых два. Куда они делись впоследствии, история умалчивает.

При свете дня еще раз внимательно оглядел себя. На ремне висел табельный армейский нож в железных ножнах от автомата АК. Смотрю: хорошая вмятина на ножнах от пули, она срикошетила на уровне бедра.

Наутро бойцы «мусбата» сгребли и погрузили в ГАЗ-66 собранное трофейное оружие, набралось больше чем полкузова, я вместе с частью «зенитовцев» запрыгнул в кузов. Помню, Сережа Чернухин, получивший в бою легкое ранение в колено, осторожно полез к нам в кузов. Мы помогли ему перебраться через борт. Как только отъехали от дворца на незначительное расстояние, он вынул из кармана своей куртки уцелевшую «Смену», и сделал несколько (как оказалось впоследствии) исторических снимков.

ДНИ ПОСЛЕ ШТУРМА

Трофейное оружие из дворца свезли в казарму «мусбата» и сложили прямо в комнате замполита напротив нашей.

Прошелся по казарме — немногочленно. Из тех, с кем жил в одной комнате до штурма, в строю остались немногие. Был ранен Сережа Чернухин; Валеру Курилова, Володю Буковского отвезли в госпиталь.

Когда напряжение спало, позволили себе расслабиться. Благо, спиртное завезли еще перед операцией. Мне пришлось даже у одного «мусбатовского» офицера пистолет отбирать, чтобы не дошло до перестрелки. Впрочем, не стоит никого осуждать, люди выложились по максимуму и только спустя сутки начали в себя приходить, осознавать тот кошмар, который пережили.

Ночь с 28 на 29 декабря провели в казарме «мусбата», а утром подогнали грузовики, которые почти доверху загрузили трофейным оружием. Покидали в машины и свои пожитки. Собрались, сфотографировались на память с руководителями операции. У меня была шляпа кожаная, брюки, башмаки — вот и все вещи, и поехали в советское посольство.

Нам выделили место в подвале, в котором размещалась небольшая библиотека (там хранилась литература, в разное время подаренная послу). Сдвинули полки в сторону, поставили двухъярусные кровати. Оружие сдали в оружейку.

Поскольку я знал расположение посольства, то решил сходить в душ. Душе-

вые кабин были оборудованы в посольской школе, в которой мы жили летом. Не успел выйти, как встретил Колю Хмелева, водителя посольского «мерса». Обнялись, расцеловались, он на радостях открыл багажник машины, достал оттуда литровые ромбовидные бутылки: то ли ром, то ли виски, мы же ведь тогда ничего, кроме водки, не знали.

— Бери, ребят угостишь! Скоро ведь Новый год, хоть отметите по-человечески...

Начал мыться в душе, смотрю: по левой руке обильно стекает кровь! Обо что порезался — понять не могу! Поглядел на порез: словно лезвием прошлись по моей руке. Начал оглядывать стенки душа, себя осматривать. Вот те на — из бедра торчат осколки — о них и порезался, а два дня ходил, не замечая, что они сидят в теле. Осмотрел, а затем, благо ногти выросли, вытащил целых три. Ничего опасного, вен рядом нет, кровь потечет и перестанет! Так и получилось.

Я немного посидел на скамье, кровь перестала течь. Оставив окровавленное полотенце, оделся и, как ни в чем не бывало, пошел обратно к своим. И тут снова встретил старого знакомого — коменданта посольства. Это был молодой паренек по фамилии Власов, лет двадцати четырех, у него молодая жена, маленький сынишка. Он тут же на радостях мне предложил:

— Борис, мне по заказу пришел японский магнитофон-однокассетник «Шарп», а тебе его хочу подарить, ты как?

Такой подарок я, конечно, не мог принять, но нам выдали командировочные — 14 тысяч афганей, вот их я за магнитофон и отдал.

Этот кассетник стоит у меня до сих пор, уже почти сорок лет. Иногда его включаю послушать старые записи.

Наступило 31 декабря 1979 года.

С утра все проснулись угрюмые, злые. В Союзе готовятся Новый год встречать, а нам неизвестно сколько здесь торчать (афганцы празднуют свой Новый год 21 марта). И водка закончилась, и с едой негусто. В общем, полная тоска.

И вдруг смотрим: по ступенькам к нам спускается в сопровождении служащей жена посла Табеева. Красивая женщина, на загляденье. И говорит нам:

— Дорогие бойцы! Мы с послом приглашаем вас на торжественный вечер по случаю Нового года!

— Спасибо! — только и нашли что сказать.

Праздник есть праздник! Звон бокалов, тосты, хороший концерт, теплые слова. Вечер замечательный!

И когда самодеятельные артисты начали исполнять песню Высоцкого «Он не вернулся из боя», у многих парней, переживших жестокий бой, пробились легкая слеза. Это была песня и про нас.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

1 января 1980 года «зенитовцам» разрешили поехать по дуканам, закупить сувениры, подарки родным. Кто тарелку, кто дубленку — в зависимости от потребностей. А 2 января уже улетали из Кабула. На взлетной полосе стояли два Ан-24.

В момент прощания в посольстве, когда «громовцы» уже загрузились в кузов ГАЗ-66, мы с Виктором Карпухиным обменялись на память реликвиями. А поскольку наши спецрейсы шли в Союз без таможенного досмотра, то посольские загрузили нас подарками для своих близких. Саша-комендант попросил передать подарки для родителей.

Самолет, натужно ревя движками, пошел на взлет. Спустя время торжествен-

ный голос командира: «Дорогие бойцы, мы перелегаем границу Союза Советских Социалистических Республик». Трудно сейчас понять наши чувства: мы возвращались на Родину, выполнив приказ. Родина нам доверила, и мы оправдали это доверие. Мы были патриотами, и как жаль, что подобных чувств не хватает у многих современных политиков России. Им нас не понять!

Ташкент. Аэропорт. К трапу самолета подкатывает черная «Волга». Приехал встретить нас Саша Старов, с которым в 1979-м учился в Балашихе. Он в этот день дежурил по Управлению. В ресторане Ташкентского аэропорта для нас накрыли стол. Так вот он устроен, русский человек. Если бой, то до последней капли крови, если пить, то тоже до... последней капли.

Потом из «Чкаловского» нас привезли в Балашиху. У кого была возможность, то сразу стали разъезжаться по своим городам. Кому позже — разместились в спортивном зале. На следующий день я съездил с другом к родителям Саши Владова, посольского коменданта. Те были очень благодарны за привет от сына.

ИЗ АФГАНИСТАНА — НА ОЛИМПИАДУ

Приехал в Воронеж, доложил о возвращении своему руководству. Вопросов о том, где был, чем занимался, никто не задавал, видимо, сверху и их строго предупредили не проявлять к нам повышенного интереса. А летом 1980 года около двадцати оперработников из Воронежского управления КГБ были командированы в Москву для обеспечения безопасности при проведении Олимпиады. Старшим был Валерий Величко. Однажды он передал мне, что необходимо прибыть на Лубянку к заместителю председателя КГБ СССР Лежепекову.

Выяснилось, что мне по тайному Указу Президиума Верховного Совета СССР полагалась медаль «За боевые заслуги». Прикрепляя ее на лацкан, Лежепекоев уколол палец. Сухое рукопожатие, прощание...

В этот же день награды вручили еще нескольким штурмовикам из «Грома» и «Зенита». Миша Романов боевую награду получил раньше, и он проявил инициативу — собраться и отметить событие в ресторане «Прага». Все с удовольствием его поддержали. Пришло немало «громовцев-альфистов». Из «зенитовцев» на вечеринке со мной был Володя Антонов из Куйбышева.

Многие «зенитовцы», «каскадовцы», участвовавшие в спецоперациях в Афганистане, в последующем пришли служить в «Вымпел», где составили костяк элитного спецподразделения.

ТРЕТЬЯ КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ. «КАСКАД-2»

Третья командировка на войну не заставила себя ждать.

Спустя год я получил приказ прибыть в распоряжение ПГУ КГБ СССР. В январе 1981 года мне предстояло отбыть в Афганистан уже в должности командира группы отряда специального назначения «Каскад-2» в провинции Фарьяб, город Меймене.

К тому времени я уже знал: сразу после событий 1979 года система «Зенита» как спецподразделения была видоизменена, и в 1981 году перед аналогичным спецподразделением, которому присвоили кодовое название «Каскад», ставились уже новые цели и задачи. «Каскад» стал преемником «Зенита», комплектовался из слушателей КУОСа, прошедших специальную подготовку. В нужное время их «выдергивали» из резерва и направляли в командировку. Продолжительность пребывания в стране была определена строго — не больше полугода, а потом отряды обновлялись. Психологически и физически при тех нагрузках, которые были

в спецподразделении, человек просто не мог больше вынести. Ведь человеческий ресурс тоже исчерпаем.

Третьей командировке предшествовала дополнительная профессионально-боевая подготовка.

Вызвали меня в Балашиху в декабре 1980 года. На базе формировали группы и отправляли в Фергану. Там в учебном центре воздушно-десантных войск проходили дополнительную подготовку перед отправкой в Афганистан. Вспоминали боевые навыки — кидали гранаты, управляли бронетранспортером, стреляли по мишеням.

Здесь происходила и психологическая притирка будущих членов боевых отрядов. Общались, искали земляков, друзей по Балашихе, «Зениту». Там я встретил Александра Малошенка, автора многих замечательных «зенитовских» и «каскадовских» песен, я их слушаю и поныне.

В количественном составе наш поток, наверное, был одним из самых больших. Если исходить из того, что офицеров в каждой группе «Каскада» было семь-восемь (командир, врач, заместители по разным направлениям и т.д.), то получается, что из «призыва» можно было сформировать приличное число оперативных групп.

Вся территория Афганистана дробилась на «кусочки» с учетом количества наших групп и практически была полностью перекрыта «каскадовскими» отрядами. Группы объединялись в зоны. К примеру, я был командиром группы в провинции Фарьяб со столицей в Меймене, со своим отрядом входил в зону «Север-1». Штаб зоны располагался в Мазари-Шарифе. Мы смутно представляли, где это. Ну, северная часть Афганистана, а больше ничего. Каких-то обстоятельных курсов по изучению оперативной обстановки не было. Политзанятия, огневая подготовка, экипировка, обкатка на технике — вот весь боевой курс.

И уже в феврале 1981-го Ил-76 доставил нас в аэропорт Кабула. Там пересели в два Ан-24, но уже при полной экипировке: оружие, боеприпасы.

Без приключений и здесь не обошлось. Подлетаем к Мазари-Шарифу, а на аэродроме никто не выходит на связь. Нет ни систем наведения, ни диспетчерской!

Я предложил:

— Давайте зайдём еще на один круг; если никаких признаков живучести не будет, тогда один самолет будет барражировать, а второй сядет, чтобы осмотреться.

После посадки мы сразу рассыпались в разные стороны, вели себя так, словно предстоит держать бой. Со всеми мерами предосторожности проникли в здание аэропорта — тишина! В зале ожидания в углах сидят мирные семьи, обычная афганская картина: тюки, мешки, домашние животные.

Где был в это время аэродромный персонал? А кто их знает! Может, ушли на обед или еще по каким-то своим делам. Это в их традиции: бросить все, а там хоть трава не расти.

Вещи из самолета выгрузили, и потянулись колонной на свою базу — сначала в Мазари-Шариф. Через несколько дней команды стали формироваться, экипироваться и перебрасываться к местам своего назначения.

В нашей зоне ответственности ситуация оказалась не самой благополучной. Буквально полторы-две недели назад афганский полк, дислоцировавшийся в Меймене, вышел на войсковую операцию и на перевале попал в засаду. Часть полка сдалась в плен, многие бежали, побросав на поле боя технику, орудия, машины, и только небольшая часть вернулась обратно. Полк полностью потерял свою боеспособность, и нашему отряду пришлось высаживаться на голое место, рассчитывая только на силу своего оружия.

Первое, что мы сделали, — на вертолетах облетели зону боевых действий. И с помощью боевой авиации все, что визуально фиксировали, — орудия, бронетран-

спортеры, машины — постарались пожечь с воздуха, чтобы не достались «духам». Вызволить боевую технику, доставлять ее в Меймене, — такой возможности не было. Как нам сообщили, в зоне Меймене насчитывается около десяти боеспособных бандформирований, и обстановка характеризуется как «напряженно-спокойная».

В ЛОГОВЕ ВРАГА

Высаживались в Меймене на вертолетах. Никаких советских подразделений на сто километров от Меймене! В общем, попали в самое логово врага. Между тем, предшественники не позаботились о дополнительном укреплении базы. Первым делом мы оборудовали четыре круглосуточных поста наблюдения, обустроили огневые точки — забетонировали их, укрепили, определили углы обстрела, на одном из постов установили автоматический гранатомет. Поставили огневую точку на сарае, примыкавшем к нашей базе... В общем, выполнили большой объем работ, вплоть до создания централизованного управления резервным минным полем. А еще запустили радиостанцию. Когда вышли на связь с Мазари-Шарифом, там очень удивились качеству связи. Сложили даже тандыр — восточную печь для приготовления лепешек.

Под моим началом находились более пятидесяти человек. Это сотрудники «Каскада», милицейского «Кобальта», солдаты-пограничники, приданные для охраны, советники. Недалеко от базы одну из местных вилл занимали военные советники, ГРУ. А также водители БТР, пулеметчики, снайперы, стрелки, радисты.

По штату в группе было только две должности — командир и его заместитель, но чтобы не обижать остальных офицеров, «ввели» новые и для них. К примеру, Владимир Астахов стал заместителем по вооружению. Игорь Дзедзюля из Курска — заместителем по разведке. Несмотря на специфические задачи по занимаемой должности, все активно занимались агентурно-оперативной работой — это ведь истинная специальность сотрудников КГБ.

«ВРАСТАНИЕ» В ОБСТАНОВКУ

Обстановка в городе в то время была сложной, в провинции действовало несколько бандформирований. Часть жителей и представителей власти оказывали им поддержку. Зная свое превосходство и безнаказанность, бандиты регулярно подвергали город обстрелу, убивали активистов, учителей, жгли школы, взрывали общественные здания, нападали в горах на колонны с продовольствием и топливом.

Провинциальный центр вел двойную жизнь: в светлое время суток город контролировался правительственными войсками, а вечером все замирало, власть переходила в руки душманов. Несмотря на то, что в Меймене стоял афганский полк, подразделения царандоя (милиции) и ХАДа (службы государственной безопасности), взаимодействие между силовыми структурами было не отрегулировано.

Первое время непривычно было слышать регулярную ночную стрельбу. Примерно с 10 часов вечера до 4 утра нашу базу прошивали трассеры автоматных очередей.

После того как обеспечили свою оборону, наладили быт, мы установили контакты с местными властями, и началось «хождение» в массы. Помогали населению, как могли. В нашей команде был по штату медик-пограничник Иван Примак. Я отпускал его под прикрытием для оказания срочной медицинской помощи афганцам.

Ребята-советники, у которых на балансе были три «Нивы», когда было необхо-

димо, предоставляли нам автотранспорт. Его использовали для конфиденциальных встреч с нужными людьми, для поездок за продуктами питания на местный рынок. Обычно выезжали в таком составе: один — за рулем, трое с автоматами и гранатами. «Нивы» трехдверные, выскочить из машины сложно, но другого транспорта у нас не было.

Скажу откровенно: инструкций на все случаи жизни у нас тоже не было, Центр ими не снабжал. Отряды «Каскад» шифровались под подразделения Советской Армии, хотя и наши военные, и афганские называли нас «каскадерами», — смысла в конспирации не было никакого. Впрочем, местные афганские власти нас воспринимали не как особые ударные группы, а как советников, часто путали с ними.

Как и советники, мы появлялись в городе в штатской одежде. Свою, «партизанскую», надевали разве что на базе. Я, к примеру, несмотря на капитанское звание, носил бушлат с лычками сержанта.

Сейчас пишут всякое, но я берусь утверждать, что на контакт с шурави афганцы шли охотно. Их гибкая психология не была отягощена предрассудками в этом отношении. Если выгода была очевидна, они охотно заключали соглашения и оказывали посильное содействие, эквивалентное приобретаемой пользе.

Я приехал в Афганистан, обремененный советскими стереотипами, что на войне есть свои и есть враги. Если человек с нами, значит, он против душманов. В Афгане все оказалось намного сложнее и запутаннее. Душман — образ собирательный, с конкретными людьми ничего общего не имеющий. Были и категорически настроенные против нас, сознательно вступившие на путь вооруженной борьбы. Были те, кто брал в руки оружие под страхом перед радикально настроенными экстремистами. Были и те, для кого эта война была обычным способом заработать деньги.

Вообще же каждый афганец в своих поступках руководствовался интересами, прежде всего, своего рода, а уж потом, где-то в самую последнюю очередь, вникал в политические и идеологические нюансы. Потому что там человек без рода — никто, ноль. Он пропадет, сгинет в этом сложно устроенном мире без следа. Простые люди обязаны были исполнять волю старейшин, вплоть до вхождения в банды.

Как впоследствии стало известно, бандформирования в Афганистане финансировались спецслужбами США, Пакистана, Саудовской Аравии... Разумеется, финансированием их деятельность не ограничивалась. Банды создавались и вооружались на территории Пакистана, Ирана. Завербованные в лагерях афганских беженцев боевики проходили подготовку в спецкоколах. Потом вместе со своими инструкторами переходили на территорию Афганистана.

РАБОТА С СОВЕТНИКАМИ

Иностранные военные советники, которые постоянно находилась в бандах, не только консультировали «духов» по ведению боевых действий, но и вели через широкую агентурную сеть активную разведывательную и подрывную деятельность против советских военнослужащих. Поэтому одной из наших главных задач было выявление лиц, связанных с бандами и иностранными спецслужбами, как из числа местных жителей, так и граждан других стран.

«Каскадерам» негласно ставили задачу: добудешь американского, китайского или какого-либо иного советника, работающего с мятежными бандформированиями, — Звезда Героя обеспечена. Но этот интерес к советникам был взаимным. С тем же упорством душманы охотились и за советскими советниками.

На мне, как на командире группы, лежала ответственность за жизнь и здоровье всех, кто размещался на базе, в том числе наших офицеров и партийного советника.

Структуры власти в Афганистане формировались по классическому варианту:

райком партии, исполнительные органы и т.д. Часто мы вместе с партийным советником «выходили в люди», общались с членами той или иной ячейки НДПА.

Сегодня не секрет, что для расширения влияния НДПА проводились... войсковые операции. В ходе таких операций окружали зону — несколько кишлаков, блокировали все отходы, выходы. Проводилась зачистка территории, т.е. молодое поколение призывного возраста вывозили на грузовых машинах в так называемые фильтрационные лагеря. Там проводилась контрразведывательная работа. Работали и наши оперативники, и афганские: выявляли среди этой категории пособников бандформирований и тех, кто лояльно относился к новой власти. Впрочем, о лояльности трудно говорить, скорее, выявляли тех, кто не запятнал себя участием в кровавых делах. Вот с ними и начинали прайвату. Создавали местный райком, органы власти. Поначалу им давали военную силу — афганский батальон или отряд защиты революции, человек двадцать — для вооруженной охраны на первых порах.

Как ни странно, такие операции имели результат. Особенно там, где велась предварительная психологическая обработка населения, разбрасывались листовки, проводились агитационные рейды.

Активно вели себя и наши советники по линии ХАД, занимаясь вербовкой агентуры, помогали создавать и становиться на ноги местным органам госбезопасности. Технологии и методы этой работы практически везде одинаковые. Первый эшелон — из числа активных сторонников новой власти, далее — из простых местных жителей, с которыми сталкивались каждый день.

«Каскадерам» и всем советским представителям в работе по добычанию оперативно значимой информации помогали представители местной интеллигенции — учителя, врачи. Существовала маленькая прослойка интеллигенции районного масштаба, которые искренне верили в необходимость перемен и помогали нам работать на упреждение.

И советники ХАД, и мы старались проникать в дальние кишлаки, в которых партийное влияние было слабым, и там тоже заниматься вербовкой агентуры. Скажем, у Владимира Астахова был ценный агент, который чуть ли не за семьдесят километров на перекладных добирался до нашей базы. Однажды за три дня предупредил о готовящемся нападении мятежников на центр. Была информация о попытках отравить колодец на территории нашей базы. И вообще можно припомнить много всяких обычных будничных ситуаций, когда афганцы искренне помогали нам.

Мой заместитель по разведке Игорь Дзедзюля занимался вопросами организации агентурно-оперативной работы в целом по провинции. Впоследствии на базе накопленного нами материала, будучи уже на преподавательской работе в Высшей школе КГБ, защитил диссертацию.

Занимались оперативной работой, независимо от своих должностей, все наши офицеры «Каскада»: мой непосредственный заместитель Володя Кузнецов, заместитель по боевой технике и вооружению Володя Астахов, впоследствии заместитель начальника Ярославского УКГБ (УФСБ), замполит Анатолий Кожуров и даже наш медик-пограничник Иван Примак. Заместитель по хозяйственному и обеспечению Володя Салтыков — и тот участвовал в вербовочной работе.

Я проповедовал среди всех советских принцип работы на один котел, а не на личный престиж. В чужой стране по-другому просто невозможно. Все с этим соглашались и минимум два раза в неделю собирались: командиры, советники военные и партийные, ГРУшники. Обсуждали ситуацию, которая складывалась, делились информацией. Мы помогали ГРУшникам, которым приходилось сложнее всего: они работали по военным целям, не имея фактически агентурного аппарата. А у нас агентурное проникновение было намного глубже.

В начале 1980-х присутствие советских войск в Афганистане по меньшей мере средним классом воспринималось как фактор стабильности и силы, которая поможет выйти из состояния гражданской войны. В Мазари-Шарифе заработал завод азотно-туковых удобрений. Начали образовываться сельскохозяйственные артели, которые государство снабжало техникой. В общем, закладывались позитивные основы.

Антисоветские настроения начали появляться позже, когда советские воинские подразделения активно стали использоваться для решения внутренних политических проблем в Афганистане. Последствия столкновений — это кровь, слезы, злость. Если в семье убивали кого-то под бомбежкой, или в результате обстрела, то он сразу становился кровавым врагом шуврави. Постепенно в стан противников народной власти уходило все больше людей.

ДОРОЖИТЬ ЛЮДЬМИ!

Иногда нас пытались втянуть в авантюрные боевые действия. Проводим совещание с афганцами, они просят, а наши советники настаивают: нужно срочно выехать, блокировать, уничтожить! Но при любых условиях мы старались сохранить людей. Я всячески стремился к тому, чтобы избежать неоправданных вооруженных стычек, не допустить потерь. Поэтому всегда отвечал:

— Друзья, давайте в первую очередь использовать ресурсы, которые у вас есть на месте — афганское подразделение, отряды самообороны, наиболее боеспособные подразделения ХАДа. «Каскад» будет прикрывать ваши тылы в любых операциях, связанных с возможным риском.

Правда, когда возникали сложные ситуации, мы считали своим долгом немедленно реагировать и оказывать содействие любыми способами.

В марте 1981 года в Меймене неожиданно ввели артдивизион с территории Союза. Оказалось, накануне очередного съезда партии было принято решение усилить отдельные провинции советскими войсками. От командира узнаю, что по дороге в Меймене они попали под обстрел и вынуждены были бросить трал на дороге. Послали за ним ЗИЛ-130 с прапорщиком и двумя солдатами. Те попали в засаду, и прапорщик сбежал, бросив своих бойцов на верную смерть. Блокировали господствующие высоты; трупы солдат, исколотые шомполами, обезображенные, обнаружили за одним из дувалов...

У нас, к счастью, таких потерь не было.

Я горжусь тем, что всех людей из «Каскада» вернул в Советский Союз живыми. Были ситуации, когда нас провоцировали представители местных оппозиционных сил на конфликт с населением. Однажды в поселке собралась большая толпа молодежи и с камнями пошла на нашу базу, словно стадо баранов. Кто-то их подстрекал на эти действия.

Партийный советник Петровичус из Вильнюса — молодец, смелый, и мы с ним вдвоем, без оружия, пошли навстречу толпе, чтобы вызвать лидеров на переговоры. Позади нас шел переводчик. В стороне поставили солдат-пограничников.

Идем неспешно к толпе, а там замешательство: они не ожидали такого шага.

Как бы дальше развивалась ситуация, остается только гадать, но пограничник-солдат не выдержал напряжения и поверх голов запустил очередь из автомата. Ряды заколебались и пошли на попятную. То есть не получилось у нас с ними переговоров, но и у них не было претензий к нам.

Мы старались со всеми наладить как официальные, так и неофициальные положительные контакты. Приглашали на чай и представителей власти, и обычных афганцев. Афганцы вроде и мусульмане, но с удовольствием пили нашу во-

дочку, после чего устанавливались более мягкие отношения. Во время таких встреч, к примеру, выяснилось, почему мэр города может спокойно ездить на «Волге» по самым глухим кишлакам. Оказывается, он когда-то преподавал в школе, и многие главы бандформирований в провинции — его бывшие ученики. А на Востоке чтят своих учителей.

Нельзя силой заставить себя любить, но вот показать свое дружелюбие, расположенность к афганцам мы могли. Устраивали на местном стадионе совместные игры в футбол, волейбол. Разумеется, выставляли прикрытие — БТРы, не теряли бдительность, но играли. Понятно, что это было частью пропагандистской работы, но она тоже была необходима, чтобы выполнять свои задачи и сберечь людей.

НОЧНАЯ СТРЕЛЬБА И... БАРАШЕК В ЗНАК УВАЖЕНИЯ

Несмотря на наличие номинального афганского полка, ночью власть в городе переходила к душманам. Это факт! Они совершали нападения на банк (где же еще обзавестись деньгами!), другие учреждения народной власти.

Приходилось снаряжать и экспедиции на двух бронетранспортерах с командой, когда чувствовали, что это необходимо и у местных создавалась патовая ситуация. Без надобности старались огонь не открывать. Днем же приходилось не раз объяснять командирам афганских подразделений, что их сил достаточно, чтобы отразить такое нападение, не нужно бояться и во всем рассчитывать на помощь шурави.

Команда «каскадовцев» принимала участие и в масштабных агитационных пробегах. Что это такое? Изучали ближайшие кишлаки, в которых не было крупных мятежных групп, и выезжали туда. Привлекали афганские силы, два-три бронетранспортера с полка, офицеров, афганских партийных лидеров. Набирали пропагандистской литературы, продуктов, которыми можно угостить детишек, — консервы, галеты — где по штучке, где по пачке, хотя у нас тоже с продуктами было небогато. Организовывали на площади митинг. Все, что у нас было и чем мы могли угостить местных ребятишек, раздавали. Помню, после одного такого митинга местное население так воспыало к нам дружелюбием, что притащило барашка. Мы стали отказываться, а афганский командир через переводчика говорит: «Шурави, это знак большого уважения». Взяли этого барашка, потом на базе сделали хороший плов.

Да, отряд у нас был оперативно-боевой, но в том-то и состояла задача, чтобы достигать своих целей с минимумом военного участия. В других провинциях были случаи, когда отряды попадали в засады и многие сотрудники погибали. Считаю, что использование отрядов «Каскад» в прямых вооруженных стычках было стратегически неверным решением.

Правда, весной 1981 года пришел приказ Председателя КГБ Юрия Андропова, запрещавший «каскадовцам» во время проведения боевых операций находиться в первой наступательной цепи. Прошедшие курс специальной подготовки офицеры, имевшие в своем арсенале минимум по два высших образования, владеющие несколькими иностранными языками, не могли использоваться как рядовые бойцы. Слишком дорогое удовольствие для страны. Но реальность часто диктовала свои условия. Афганское правительственное войско было, мягко говоря, слабо организовано и воевать могло только за сильными и надежными плечами шурави. При первых же выстрелах они тушевались, залегали, и никакие уговоры не могли их поднять и повести вперед. Поэтому нередко «каскадовцам» приходилось нарушать распоряжение руководства.

Б. Пономарев (второй справа) на встрече с боевыми соратниками

ДОМОЙ, ДОМОЙ!..

Июль 1981 года. Мы уезжаем домой. Причем в срочном порядке.

Командование в Мазари-Шарифе «забыло» о группе в Меймене, и в Кабул нам нужно было выбираться самостоятельно. У меня были хорошие личные отношения с советником по авиации в Мазари-Шарифе, который и помог организовать рейс тяжелого Ми-6 в сопровождении Ми-8, и мы благополучно приземлились в «Мазоре».

Затем на Ан-24 — в Кабул, где «каскадовцы» со всего Афганистана уже собирались в грузовой Ил-76. В Меймене остались солдаты-пограничники, советники различных ведомств, у которых замена проходила в другие сроки. Как и наши предшественники, мы при всем желании не могли передать своей смене оперативные наработки, знания.

Была еще одна проблема — секретный пистолет, который я должен был сдать преемнику. Но из-за неразберихи при отправке пришлось просить Александра Маслова, моего воронежского земляка, с которым встретился в аэропорту, взять это оружие и передать по команде.

В памяти запечатлелось: огромный самолет, множество людей. Одна из групп, кажется, кабульская, везла с собой... пушку времен англо-афганских войн. Такая старая пушка, короткоствольная, на колесах, как будто из старых фильмов. Ее привезли и потом установили на территории КУОС в Балашихе. Интересная реликвия; молодцы, ребята, что догадались захватить.

АФГАН ИЗ ПАМЯТИ НЕ ВЫЧЕРКНЕШЬ

Судьба оказалась благосклонной ко мне, я остался жив, хотя во время штурма дворца получил несколько отметин.

Сейчас много пишут о той войне, иногда с явными популистскими искажениями. Однако я твердо знаю: наша миссия была особой. Тех целей, ради которых нас отправляли в Афганистан, мы достигли. То, что нам велела Родина, выполнили с честью и достоинством, и нам не о чем сожалеть. И все мы гордились тем, что имен-

но нам доверили выполнять особую миссию в Афганистане. И даже спустя годы я не жалею о том, что был там.

Находясь неоднократно в Афганистане, я искренне полюбил этот народ со своими обычаями, традициями, нравами. А что касается восточной хитрости, коварства и лукавства — эти черты скорее можно отнести к афганским политическим лидерам, представляющим клановые элиты, что, бесспорно, подтвердили последующие события. Впрочем, подобными нравами грешили и грешат и политики многих так называемых развитых стран. «Игра в Афганистан» еще не окончена, и, думаю, сегодня воспоминания о шурави больше вызывают у рядовых афганцев положительных, нежели отрицательных эмоций.

Усилиями советских специалистов были заложены основы какой ни есть промышленности, экономики Афганистана. Азотно-туковый завод по производству минеральных удобрений для сельского хозяйства в Мазари-Шарифе на севере Афганистана, поставки сельхозтехники, возведение предприятий для целей жилищного строительства в Кабуле, строительство дорог и много чего еще хорошего оставили в памяти афганцев советские специалисты, помогавшие закладывать ростки национальной экономики, науки...

ГОДЫ СПУСТЯ

Участники штурма дворца ежегодно 27 декабря собираются в Москве, на Ленинских горах. Идея эта в самом начале принадлежала Мише Романову, бывшему командиру «Грома». Это прижилось и стало доброй традицией. Мы встречаемся, вспоминаем тот бой и погибших товарищей. Собираемся вопреки тому, что высшее политическое руководство страны признало ввод советских войск «трагической ошибкой» и стало предавать забвению верных воинскому долгу солдат, позволило всякой нечисти глумиться над светлой памятью погибших. Пусть «ошибки» останутся на совести политиков, а нам, спецназовцам, воинам других подразделений, стыдиться нечего. Мы лишь выполняли приказ. По-другому и быть не могло.

